

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.45>

Кошарная Светлана Алексеевна

ЛИНГВОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА БЕЛГОРОДЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье представлены материалы полевых исследований говоров Белгородчины. Несмотря на свою относительную "маргинальность" в системе русских говоров, диалекты и региолект Белгородской области как региона пограничья являют собой значимый объект диалектологического описания. Лингвогенетический и лингвокультурологический анализ лексики говоров Белогорья показал, что они сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения, сохраняя архаику и фиксируя следы межэтнических контактов. Установление ареала распространения и соотношения диалектных лексем, заимствований и их источников позволяет говорить о становлении и эволюции русских говоров юга России, репрезентирующих столкновение различных этноязыковых потоков и языковой традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 217-222. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. **Словарь русского языка XVIII века:** в 21-м вып. / Академия наук СССР, Институт лингвистических исследований; гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 1998. Вып. 10. 256 с.; 2000. Вып. 11. 261 с.
11. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
12. **Толковый словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 1562 стб.; Т. 2. 1040 стб.
13. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
14. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 623 с.
15. **Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.** Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT *КОНЬ* (*HORSE*) IN ETYMOLOGICAL AND EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Epatko Tat'yana Aleksandrovna

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
epatko.t.a@yandex.ru

The article examines lexical representation of the concept *КОНЬ* (*HORSE*) in the etymological and explanatory dictionaries of the Russian language. The concept *КОНЬ* is an integral element of the Russian linguistic worldview, so the study aims to describe the lexical filling of the concept by the material of dictionaries. The author offers a semantic characteristic of the concept basic names – the lexemes “*конь*” and “*лошадь*” and concludes that dictionaries represent semantic, stylistic and axiological differentiation of the synonyms “*конь*” and “*лошадь*”. The researcher points out that the “verbal and semantic world” of the concept *КОНЬ* gradually narrows.

Key words and phrases: linguistic worldview; concept; semantics; seme; word; lexico-semantic variant.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 24.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.45>

В статье представлены материалы полевых исследований говоров Белгородчины. Несмотря на свою относительно «маргинальность» в системе русских говоров, диалекты и региолект Белгородской области как региона пограничья являют собой значимый объект диалектологического описания. Лингвогенетический и лингвокультурологический анализ лексики говоров Белогорья показал, что они сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения, сохраняя архаику и фиксируя следы межэтнических контактов. Установление ареала распространения и соотношения диалектных лексем, заимствований и их источников позволяет говорить о становлении и эволюции русских говоров юга России, репрезентирующих столкновение различных этноязыковых потоков и языковой традиции.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; диалект; региолект; архаизм; диалектизм; лексическое заимствование; украинизм.

Кошарная Светлана Алексеевна, д. филол. н., профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

ЛИНГВОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА БЕЛГОРОДЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

«В настоящее время происходит переосмысление места порубежных пространств... Обращается внимание на значительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический)» [7, с. 116-117]. Так, особое место в современных диалектологических исследованиях занимают говоры пограничья, к которым относятся региолект и говоры Белгородской области. На первый (поверхностный) взгляд, региолект Белогорья схож с суржи́ком, который традиционно трактуется как результат наложений на русскую или украинскую основу. «С позиции социолингвистики, *суржик* можно трактовать как бытовую речь значительного числа украинцев, в котором объединенные лексические и грамматические элементы украинской и русской языковых систем используются без соблюдения литературной нормы» [9, с. 63].

Однако в данном случае регион представляет собой специфическую территорию, на которой в течение веков формировался особый региолект, в котором, благодаря территориальной и лингвокультурной удаленности от центра, сохранялись рефлексии более древних языковых состояний, в результате чего здесь обнаруживается значительный пласт лексической архаики.

В этом контексте **актуальность** настоящего исследования обусловлена не только необходимостью выработки новых – интегративных – подходов к материалу диалектов, но и тем, что в объективе настоящего исследования оказывается значимый по величине и по культурному вкладу регион, региолект и диалекты которого представляют собой весьма неоднородное явление, представляющее интерес для современной диалектологии. Кроме того, в лексическом составе белгородских диалектов нашли отражение и фиксацию культурные процессы и явления этноязыкового пограничья, что значимо для современной лингвокультурологии.

Исходя из этого, **целью** настоящей работы является доказательство «маргинальности» белгородских диалектов по отношению к материнским говорам и обоснование их сопряженности с говорами территорий позднего заселения.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

- 1) выявление специфики Белгородских диалектов как говоров этнокультурного пограничья;
- 2) поиск критериев выявления и разграничения в системе диалектного словаря Белгородской области исконной и заимствованной лексики, прежде всего – заимствований из украинского языка;
- 3) выработка методики лингвокультурологического и лингвогенетического анализа диалектного слова, включающей:
  - установление географии распространения диалектных лексем (с привлечением материалов сводного «Словаря русских народных говоров»);
  - лингвогенетический анализ диалектной лексики Белгородской области (установление происхождения слов);
  - анализ фактического материала в синхронии с привлечением необходимых исторических данных и выявление рефлексов древнерусского языка в лексической системе белгородских говоров;
  - вычленение украинизмов в лексическом составе говоров и региолекта Белгородчины и установление особенностей их функционирования и ассимиляции;
- 4) характеристика особенностей диалектного словаря Белгородчины как результата сосуществования двух языковых основ, взаимодействие которых детерминировало возникновение особого местного региолекта и его диалектных разновидностей.

Материалом исследования послужили диалектные единицы и регионимы, составившие картотеку кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ», собранные и обработанные под руководством автора статьи и изданные при активном участии и под редакцией автора в виде «Опыта областного словаря Белгородчины» (2017 г.) [5].

Новизна исследования заключается в том, что в нем – посредством лингвогенетического анализа диалектизмов и регионимов, функционирующих в белгородском региолекте и говорах области, – не только обосновывается, что говоры Белогорья являются уникальным явлением, возникшим на пересечении этнокультур, но предлагается методика дифференциации фактов автохтонного происхождения и заимствований из украинского, которые нередко обозначаются общим термином «украинизм».

По нашим подсчетам, украинизмы и варианты слов, возникшие под влиянием украинского языка, составили 651 единицу из общего количества проанализированного нами материала, включающего 3709 знаменательных и служебных слов (диалектизмов и регионимов), что соответствует 17,6%. Из 175 регионимов украинизмы и украинизированные варианты русских слов составили 43 лексемы – 24,6% от корпуса выявленных регионимов.

И эти языковые показатели имеют историко-культурное объяснение. Известно, что вторичное заселение территории современной Белгородской области происходило в XVII-XVIII веках, хотя еще в XII веке, во времена Киевской Руси, на этой территории жили восточные славяне, однако после татаро-монгольского нашествия XIII века Белгородчина надолго опустела. В этой связи время возникновения белгородских говоров, по-видимому, следует датировать XVII веком. На тот же период приходится становление украинского языка, что значимо в контексте нашего исследования.

При этом в условиях территориальной и – как следствие – языковой удаленности от «центра» на юге России формируются диалекты, представляющие слав южнорусских говоров и говоров украинского языка. В этом смысле белгородские диалекты в своей специфике сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения: такие диалекты проявляют тенденцию к развитию лексической вариативности и дублетности и «консервируют» архаику [3].

В частности, в говорах Белогорья сохраняется немало языковых фактов, наследуемых от древнерусского языка. Данные единицы в ряде случаев уже исчезли из лексического состава русского литературного языка, но сохранились в украинском языке, например, в районах Белгородской области, граничащих с Украиной, употребляется глагол *бажать*: *бажа́ть* – *глагол, -аю, -аешь, несов. в., перех., нейтр.* ‘желать’ (Валуйск.; Шебекин., Ракитян.; Краснен., Чернян.), ср. укр. *бажати* – ‘хотеть’ [5, с. 31].

Столкнувшись с проблемой маркирования подобных единиц, чаще всего исходят из наличия слова в украинском языке. Естественно предположить здесь украинское заимствование, но при этом обнаруживается присутствие данного слова во владимирских говорах: «*Бажа́ть, аю, аешь, несов., перех.* 1. Очень хотеть, сильно желать чего-нибудь (иногда из прихоти); просить. Передел. Влад., 1849. Влад. Приходит к нему посол и говорит; “Царь бажает тебя перед себя.” (сказка)» [10, вып. 2, с. 44]. Учитывая, что речь идет о Владимирско-Поволжской группе говоров, которые представляют собой одно из двух диалектных объединений среднерусских говоров, занимающих северную часть их территории, предполагать на этой территории украинское заимствование нет оснований; а значит, распространение данного слова на прочих исконно русских территориях, включая пограничные с Украиной, может иметь автохтонное объяснение. Заметим также, что известная сибирская фамилия *Бажов*, вероятно, восходит к тому же корню и по своему происхождению связана с прозвищным именем, которым еще в древнерусский период (то есть до вычленения отдельных восточнославянских языков) нарекали желаемого, долгожданного ребенка.

Наши суждения позволяют предположить и возможную этимологию белгородского диалектизма *бажонка* – *сущ., -и, жен. р., нейтр.* ‘святой угол’ (Краснен.) [5, с. 31]. Данная лексема отсутствует в сводном

«Словаре русских народных говоров», поэтому вопрос о её производящем является открытым, но наличие в говорах района глагола бажать позволяет возвести слово не к корню *бог-* (не вполне объяснимой в этом случае являлась бы коннотация суффикса *-онк-*, который «снижает» статус производящего), а к глаголу *бажать* в значении ‘желать’, так как именно к иконам, находящимся в «святом угле», носители говоров обращаются с просьбой об исполнении своих желаний. Таким образом, помимо прочего, диалектные слова Белгородской области репрезентируют мировидение человека, явленное в его языковой картине мира.

Мы полагаем, что о взаимодействии языков в условиях близости границы с Украиной возможно говорить только относительно современного положения белгородских говоров. И в этом свете следует затронуть историю возникновения украинского субстрата на данной и сопредельной территории.

Само слово *Украина* впервые употреблено официально в 1570 году и не является восточнославянизмом, уходя корнями в польский язык. В русском языке ему соответствует русское слово *окраина* в том же значении – ‘земли, находящиеся на границе какой-либо территории’, буквально ‘на краю’, исходя из чего популярная в некоторых нелингвистических кругах этимологизация слова как ‘земля укров’ выглядит, по крайней мере, ненаучно.

«Новое имя страны “Украина” пошло от казачества. На старинных картах территории с надписью “Украйна” появляются впервые в XVII вѣкѣ... надпись эта всегда относится к области поселения запорожских казаков. <...> Отсюда оно стало распространяться на всю Малоросію» [11, с. 12].

Вопрос об этносе в данном случае важен в контексте решения вопроса о региолекте, который формируется и функционирует на данной территории. Белогорье оказывается территориально и исторически взаимосвязанным с так называемой *Слобожанщиной* – слободской Украиной. Само слово *слобода* (фонетический вариант к *свобода*, возникший в результате диссимилиации губных: *в > л*) номинировало поселение «свободных людей» [1, с. 221]. Отсюда – названия *Слобожанщина* и *Слободская Украина*, где слово «Украина» означало окраинное положение земель.

В свете данных суждений заслуживает внимания установленное нами в более ранних работах архетипическое соответствие *Русь – лес* [4], которое проливает свет на сохранившееся в белгородских диалектах значение слова *слобода* – ‘большое пространство земли, покрытое деревьями’, ‘лес’: *Слобода* – *суц., -ы, жен. р., нейтр.* 1. Лес. /У *слабоду* на *јагаду хад’іл’у // т’ор’ин тѳжа саб’ирал’ул* (Губкин., 1997 г.); 2. Село. /*Слабада* была / *стал’у называт’ с’илѳ Рак’итнају*! (Ракитян.) [5, с. 267], ср.: «*Слобода*, ж. Часть поля, клин. Валд. Новг., 1925» [10, вып. 38, с. 288]. «Исходя из первичности конкретного значения по отношению к абстрактному» [4], полагаем, что старшим для слова *свобода* является именно значение ‘лес’. Именно на таких пространствах, на свободных, *вольных, окраинных* просторах России селились пришедшие сюда восточные славяне [2, с. 16].

Заметим, что «обозначение национальности посредством субстантивированного притяжательного прилагательного – *русский* – информативно с точки зрения архетипического значения: *русский* – ‘принадлежащий Руси как объединению, сообществу’» [4, с. 258-260]. Структура слова *украинец* отражает ту же идею (по сути, это наименование в своем происхождении не является этнонимическим): суффикс *-ец-* образует существительное со значением «тот, кто принадлежит к указанной в основе общности, то есть «живущий на краю». Эта историческая справка важна для нас в связи с использованием привычного уже, казалось бы, термина *украинизм* для слов, заимствованных в русские говоры из украинского языка.

В то же время в процессе заселения территории Слободской Украины и, как следствие, – Белгородчины в данном регионе «сходились» два миграционных (разноэтнических) потока: *русский* (с севера – с территорий нынешних областей Центральной России: Тульской, Орловской и т.д.) и *украинский* – с правобережья Украины, из Полтавщины, Черниговщины и т.д. С течением времени – в условиях социальной общности и исторической близости – происходила этническая, языковая и культурная интеграция поселений русских служилых людей и запорожских казаков, взаимопроникновение культур и языковых различий, и русские говоры Белгородской области репрезентируют результаты этих интегративных процессов. По этой причине для описания современного состояния говоров Белгородчины термин «украинизм» в целом ряде случаев оказывается весьма уместным.

При этом нередко оказывается, что украинизм украинизму рознь, и не всегда бытование того или иного слова, имеющего аналог в украинском языке, следует связывать с заимствованием. В частности, это демонстрируют сравнения с фактами говоров, далёких от пограничья с Украиной. И только в силу наличия на территории Белгородской области действительно заимствованных из украинского языка лексем и явлений (в частности фонетических, таких, как переход *о* в *і* после утраты редуцированного в последующем слоге, ср.: укр. *бати́г*: /*Бат’ко уч’ѳра брѳату батіу зробы́в*!; /*Бат’уѳѳм удѳр’ул*! (Валуйск.; Ракитян.; Ровеньск.; Вейдел.) – при рус. *батѳг* (Новооск.) и др.) возникает «лексикографическая необходимость» обозначить термином «украинизм» такие факты, как *бажать, поречка/поричка* (‘смородина’) и подоб., хотя подобные элементы могут быть гораздо более древними по происхождению и восходить непосредственно к древнерусскому лексическому наследию.

Так, влиянием украинского языка объясняется употребление некоторых архаичных грамматических форм, например, утраченная русским языком *звательная форма* имён существительных (характерная для древнерусского языка и общего для славян праязыка) сохраняется в украинских говорах, а потому её наличие в пограничных белгородских районах можно трактовать как заимствование: *батѳко* (иногда употребляется в роли подлежащего как именительный падеж) (Новооск., Алексеев.), *бабо, тѳто* – *суц., -ы, муж. р., нейтр.* ‘отец, папа’ (Новооск.), ср. укр. *тѳто* – ‘папа’ [5, с. 30, 35, 286] и подоб. В то же время мы обнаруживаем подобные формы и в архаичных севернорусских говорах: «1. *Тѳта*, м. Отец, тѳтя. Шенк. Арх., 1846. *Рѳньше-то*

папой не звали, а татой все. Арх. <...> Мурман. Онеж., Олон., КАССР, Волог., Ленингр. <...> Новг. <...> Пск. Смол., Зап. Брян, Зап. <...> Тузл. Измаил. Южн. <...> Свердл. Горно-Алт., Ср. Прииртышье. Слов. Акад. 1963. [обл.]. <...> **Тáто**, м. Отец, тятя. КАССР, 1937. Приезжает ко мне сынок-то, говорит тато. Кириш. Ленингр. Тато-то мой овдовел сорока годов. Пинеж. Арх.» [10, вып. 43, с. 302, 309].

Даже такие «очевидные», казалось бы, заимствования из украинского, как *бурак/буряк*, могут быть осмыслены и как исконные для русских говоров образования в силу их широкого распространения по собственно русской территории, ср.: «1. **Бура́к**, á, л. 1. Свекла. Южн., Даль. Дон. <...> Ворон., Курск., Орл., Брян., Калуж., <...> Твер., Великолукск., Пск., Углич. Яросл., <...> Тарт. Эст. ССР, 1963. <...> Лит. ССР. <...> Латв. ССР. <...> Рост. <...> Смол. <...> Перм. <...> Свердл. <...> Вят., 1845. Бугур. Самар.» [Там же, вып. 3, с. 279-280]; «2. **Бура́к**, á, м. Свекла. Курск., 1893. Южн., Краснодар., Куйб., Углич. Яросл. || Кормовая свекла. Свердл. Орл., 1947. Юг Курской обл.» [Там же, с. 301].

Функционирование данного слова в обоих вариантах не только в южнорусских говорах, но и в среднерусском диалектном пространстве: тверские, новгородские, псковские говоры (из последних слово, видимо, заимствуется на территорию Прибалтики) и даже в севернорусском ареале: ярославские говоры – обуславливают возможность «обратного» заимствования: не из украинского в русские говоры, но из русского языка – в украинский язык. Либо перед нами факт, восходящий к общему для двух народов древнерусскому истоку.

Однако наши рассуждения не отменяют явления взаимовлияния и взаимообмена между говорами граничащих друг с другом двух близкородственных языков, а в прошлом – диалектных групп, ибо на момент возникновения региолекта Белогорья украинского языка как самостоятельного этнолингвистического образования еще не существовало, а потому речь должна идти об историческом взаимовлиянии южнорусских (и даже среднерусских – как привнесенных – в силу особенностей заселения края) и малороссийских диалектов, сложившихся на территории слободской окраины Российского государства.

В этом взаимодействии нет наложения, но есть сосуществование двух «языковых течений», выступающих в виде двух равноправных источников, внутри особой региональной разновидности языка. Большинство диалектов Белгородской области являют собой результаты этого смешения, или сращения, то есть в данном случае мы не говорим о заимствованиях из украинского языка, что имело бы место в контексте суржика: мы полагаем, что в белгородских говорах, граничащих с Украиной, имеется не одна базовая основа в виде конкретного – русского – языка, на которую накладываются элементы другой – Украинской – языковой системы (или наоборот), а сосуществуют две генетические языковые основы, взаимодействие которых детерминирует возникновение особого местного региолекта.

В частности, по нашим наблюдениям, в тематической группе наименований домашней хозяйственной утвари из 84 диалектных единиц украинизмы составили 23,5%: *гамáн*; *кúхлик*; *макúтра* и др. (всего – 28 лексем). Из них собственно украинизмы включают 17 лексем; варианты слов, в которых находит отражение влияние украинского произношения, составили 11 единиц. Те же тенденции обозначились в других тематических группах.

О смешении двух разговорных стихий на Белгородчине свидетельствуют и фамильные антропонимы, восходящие к разговорным этнонимам *москаль*, *хохол*. Так, от основы *хохол* образуется фамилия *Хохлов* (с русским фамильным формантом *-ов*). Известно, что фамилии на *-ов/-ев* относятся к образованным «от личных прозвищ, которые, в свою очередь, могли быть образованы от предметных существительных или прилагательных» [12, с. 117]. В то же время от основы слова *москаль* образуется фамилия *Москаленко* (с украинским фамильным формантом *-енко*). По наблюдениям Т. Н. Романовой, фамилии на *-енко* типа Бондаренко встречаются прежде всего в восточных и северо-восточных областях Украины [8].

При этом следует заметить, что так называемые «украинизмы» зачастую оказываются архаичнее по своим формальным приметам и семантическому наполнению, нежели соответствующие им русизмы, поэтому речь идет о сохранении на окраине государства архаичных языковых черт в силу удаленности от центра (в том числе на уровне фонетики: оканье, наличие фрикативного Г), в связи с чем анализ таких языковых фактов представляет несомненный интерес для истории русского языка и отечественной лингвокультурологии, поскольку проливает свет на эволюцию того или иного слова или явления.

В отношении заимствований из малороссийских диалектов (или украинского языка, если слово заимствовано уже в период его существования и функционирования, не ранее XVIII-XIX вв., на базе соответствующих народных говоров) мы нередко сталкиваемся с изменением значения лексемы (расширением или, напротив, специализацией). Например, как показывает собранный нами материал, в говорах Белгородской области существительное *макúтра* является полисемантом, реализуя несколько значений, причем порой даже в одном и том же районе: *Ма́кúтра* – *сущ.*, *-ы*, *жен. р.*, *нейтр.* 1. Глиняная посуда для приготовления или обработки в печи жидких и полужидких блюд, продуктов, глиняная большая посуда для выпечки хлеба (Старооск.; Новооск.; Валуйск.; Губкин.). 2. Глиняная посуда для замешивания теста (Старооск.). 3. Большая посуда, эмалированная внутри, предназначенная для выпечки хлеба (Вейдел.). 4. Специальная посуда для приготовления кваса (Старооск.). 5. Посуда для масла, сметаны, сыра (Новооск.; Ровеньск.; Новооск.; Ракитян.; Волокон.; Вейдел.) [5, с. 170-171].

«Исходная (украинская. – С. К.) семантика слова непосредственно указывает на его этимологию и генетическую связь со словом *мак*: *макúтра* – ‘широкий глиняный конусообразный горшок с шероховатой внутренней поверхностью для перетирания мака и других семян макагоном’. Иногда в макитре подогревают кислое молоко для приготовления творога» [6, с. 309].

Что касается бытования заимствованного из украинского языка слова, то зачастую на базе украинизмов в белгородских говорах выстраиваются словообразовательные гнезда, образованные по регулярным в русском языке словообразовательным моделям, например: **Вовк** – суц., -а, муж. р., нейтр. Волк. /Вóфк//; /Вовкы́ дэс' р'áдам// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.), ср. укр. *вовк*; **Вовчийёнок** – суц., -а, муж. р., уменьш. Волченок. /Вафч'и́юнак/. Мн. ч. **вовчийта** – волчата. /Вафч'и́юта// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.), ср. укр. *вовчєня*; **Вóвчий** – прилаг., притяжат., -ья, -ье, нейтр. Волчий. /Вóфч'и́// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.); **Вóвчыє** – микротопоним (с. Славянка, Чернян., 1999 г.), ср. укр. *вовчий*; **Вовчийця** – суц., -ы, жен. р., нейтр. Волчица. /Вафч'и́ця// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.), ср. укр. *вовчыця* [5, с. 62-63].

Некоторые украинизмы являются настолько употребительными, что приобретают статус регионимов: **цебáрка** – суц., -и, жен. р., нейтр. 'металлический сосуд с узким дном и широким верхом; ведро, посуда с дугообразной ручкой для ношения воды и сыпучих продуктов' (Новооск.; Краснен., Чернян., Старооск., Шебекин., Валуйск., Прохоров.; Красногвард.) [Там же, с. 318-319]; становятся базой для диалектных вариантов: **цебáрка**, **цеберка**, **цебар**, **цебарь**.

Нередко подобные языковые единицы представляют собой слова, заимствованные украинским из других языков. В данном случае можно говорить о «посредничестве» украинского языка, например: «**Цебарка**, ж. **цыбарка**, орл. 'железное ведро, кверху шире'. **Цебарь**, **цеберь**, **цыбарь** м. южн. кур. тамб. (немецк. *Zuber*) 'бадьа, которою достают из колодца воду'. | **Цыбарь** также 'подъемное колодезное колесо с приводом'» [1, с. 572]. И подобные примеры не единичны: **цэгла**, **цэгля** – суц., -ы, жен. р., нейтр. 'саманный кирпич' /Цэ́ула//; /Цэ́ула// (Ракитян.; Ровеньск.), укр. *цегла*, *цеглина* – 'кирпич', ср.: «**Цигельня** ж. южн. зап. немецк. кирпичный завод. **Цигель** пск. кирпич» [Там же, с. 576].

Таким образом, наше исследование позволяет сделать ряд **выводов**.

1. С учетом истории и направлений заселения края, обусловивших специфику условий и результатов формирования диалектов Белогорья, целесообразным представляется синхронно-диахроническое рассмотрение региональных и диалектных единиц – элементов белгородского региолекта как особого языкового страта. При этом региолект Белгородчины, в отличие от суржика, – это не хаотическое заполнение разрушенных звеньев структуры одного языка элементами другого; не заимствование лексики, фонетики или грамматики, включая синтаксис, – с точки зрения диахронии речь в ряде случаев вообще не идет о заимствованиях.

2. Исходя из этого, сталкиваясь с «украинизмами», в каждом конкретном случае необходимо пытаться ответить на вопрос: что из указанных лексем действительно считать заимствованиями, а что уходит корнями в древнерусский язык. Далеко не всегда диалектное слово, имеющее аналог в украинском языке, оказывается заимствованием, и подтвердить или опровергнуть это возможно только посредством сопоставления с фактами не только украинского языка, но и с материалами русских, в частности севернорусских, архаичных говоров, в особенности соотносимых с территориями позднего заселения, где создаются условия для «консервации» исконных языковых явлений, в том числе – для сохранения архаичного словаря.

3. Лингвогенетический анализ словаря говоров Белгородской области показывает, что в количественном отношении в лексическом составе белгородских говоров преобладает восточнославянская и собственно русская лексика. Заимствованная лексика по преимуществу относится либо к ранним заимствованиям из неславянских языков, либо входит в число украинизмов. В то же время можно говорить о сосуществовании двух генетических языковых основ, взаимодействие которых обусловило возникновение особого местного региолекта и его диалектных разновидностей.

4. Что касается украинских заимствований, то в отношении региолекта Белгородчины это явление, скорее, сродни пиджину – с той лишь разницей, что речь идет о близкородственных языках, являющихся родными для исторического населения области, но и здесь базой также является не просто лексическое заимствование, но интеграция языков и культур. Ассимиляция украинизмов, помимо прочего, проявляется в том, что на базе украинских лексем в белгородских говорах выстраиваются словообразовательные гнезда, образованные по регулярным в русском языке словообразовательным моделям. Украинский язык нередко оказывается языком-посредником – транслятором иноязычных (западнославянских и неславянских) языковых единиц, обеспечивая их вхождение в белгородские говоры.

5. Анализ диалектного материала в синхронии демонстрирует, что современные белгородские диалекты в своей специфике сопрягаются с диалектами территорий позднего заселения (системные параллели, имеющиеся в говорах Белогорья, Русского Севера и Урала, еще только предстоит осмыслить и описать диалектологам) и выходят по своим языковым чертам за границы материнских говоров. В частности, диалектные единицы нередко оказываются архаичнее по своим формальным признакам (оканье, фрикативный Г, наличие звательной формы) и семантическому наполнению, поэтому речь идет о сохранении – в силу удаленности от центра – в диалектах языкового пограничья архаичных языковых черт, утраченных материнскими говорами, что высвечивает перспективу не только синхронического, но и диахронического описания диалектного материала в контексте эволюции общенародного языка.

Список сокращений

Алексеев. – Алексеевский район, *Белгор.* – Белгородский район, *Борисов.* – Борисовский район, *Валуйск.* – Валуйский район, *Вейдел.* – Вейделевский район, *Волокон.* – Волоконовский район, *Грайворон.* – Грайворонский район, *Губкин.* – Губкинский район, *Ивнян.* – Ивнянский район, *Краснен.* – Красненский район, *Красногвард.* – Красногвардейский район, *Краснояруж.* – Краснояружский район, *Новооск.* – Новооскольский район, *Прохоров.* – Прохоровский район, *Ракитян.* – Ракитянский район, *Ровеньск.* – Ровеньской район, *Старооск.* – Старооскольский район, *Чернян.* – Чернянский район, *Шебекин.* – Шебекинский район, *Яковлев.* – Яковлевский район.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1982. Т. 4. 683 с.
2. Ключевский В. О. Русская история. М.: Независимая газета, 1992. 192 с.
3. Кошарная С. А. Вариантность лексических единиц в народном говоре (на материале говора с. Спаспюрб Прилузского района Коми республики): дисс. ... к. филол. н. СПб., 1992. 164 с.
4. Кошарная С. А. Лингвокультурологическая реконструкция восточнославянского мифа: на материале концептуального комплекса «Человек» – «Природа»: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 440 с.
5. Кошарная С. А., Алейник А. С., Медведева А. И. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов / под общ. ред. С. А. Кошарной. Белгород: Эпицентр, 2017. 337 с.
6. Ляховская Л. П. Православная обрядовая кухня: праздники, традиции, обычаи, обряды. СПб.: Кристалл, 2001. 446 с.
7. Папков А. И. Днепро-Донская лесостепь как этноконтактная зона: Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1. № 1. С. 106-126.
8. Романова Т. Н. Российские фамилии украинского происхождения: дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2001. 242 с.
9. Саппа Н. Н. Исторические основы языкового своеобразия региона и исследование белгородских говоров // Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): монография / под ред. Т. Ф. Новиковой. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. С. 53-81.
10. Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова и др. М. – Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 317 с.; Л.: Наука, 1968. Вып. 3. 360 с.; СПб.: Наука, 2004. Вып. 38. 373 с.; Вып. 43. 349 с.
11. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Репринт. «Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966». М.: Индрик, 1996. 287 с.
12. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1995. 448 с.

**LINGUO-GENETIC SPECIFICITY OF BELGOROD AREA REGIONAL DIALECT
IN THE CONTEXT OF THE REGION'S HISTORICAL DEVELOPMENT**

Kosharnaya Svetlana Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Belgorod State National Research University
kosharnaja@bsu.edu.ru

The article presents the results of a field research of regional dialects in Belgorod area. Despite their relative “marginality” in the Russian dialect system, regional dialects of Belgorod region as a border one are an important object of dialectological research. The linguo-genetic and linguo-culturological analysis of the dialect vocabulary of Belgorod area has shown that it correlates with the dialects of later settled areas preserving the archaic form and containing the traces of inter-ethnic contacts. The author identifies the ratio of dialect lexemes, borrowings and their sources, establishes their areas and concludes about the formation and evolution of the south-Russian dialects representing the conflict of different ethno-linguistic movements and linguistic tradition.

Key words and phrases: linguo-culturology; dialect; regional dialect; archaism; dialecticism; lexical borrowing; Ukrainianism.

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 25.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.46>

В статье анализируются изобразительно-выразительные возможности индивидуально-авторских слов в поэтических текстах авторов разных временных периодов и литературных направлений: И. Северянина, И. Бродского, В. Полозковой. Отмеченные в поэтических текстах данных авторов лексические новообразования свидетельствуют о разнообразии творческих установок на создание авторских слов. Лексические инновации, отличающиеся необычной структурой, смысловой многоплановостью, являются ярким средством выражения образного представления поэта об окружающем мире, способствуют созданию необычных поэтических образов. Каждый из примеров словотворчества является важным элементом поэтического текста, несёт значительную идейно-смысловую нагрузку, позволяет автору достичь впечатляющей образности.

Ключевые слова и фразы: индивидуально-авторские слова; словотворчество; поэтический текст; изобразительно-выразительный потенциал; поэтическая картина мира; лингвокреативный процесс.

Плотникова Лариса Ивановна, д. филол. н., профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Plotnikova@bsu.edu.ru

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Поэтический текст как продукт лингвокреативной деятельности автора характеризуется целым рядом семантических, структурных и функционально-стилистических особенностей. Как отмечает И. И. Чумак-Жунь, «являясь формой отображения поэтической картины мира, язык поэзии обладает рядом специфических особенностей, среди которых особое значение приобретают эмоциональные и экспрессивные средства» [15, с. 24]. Л. В. Щерба, рассматривая язык как систему изобразительных и выразительных средств, указывал на то,